

графированной в П. в 1939 г. Н. Йоргой (Ibid. P. 106).

В музее П. хранится также фрагмент снятой со стены первоначальной росписи старого кафоликона с фигурой вмч. Димитрия. Здесь же находится резной из липы иконостас Димитриевской ц. 1779–1780 гг.; на декоративном фризе помещена строительная надпись, в к-рой указаны имя заказчика — настоятеля П. игум. Даниила — и дата окончания работ (дек. 1780). Храмовая икона вмч. Димитрия и икона св. Иоанна Предтечи, согласно надписи в нижнем левом углу, были написаны игум. Даниилом в 1779 г.

Также в собрании музея П. хранится фонд старообрядческих икон, подаренных П. иером. Василием (Стратом) из Аджуда: «Чудо вмч. Георгия о змие» (1875), праздничная икона святых Илии, Спиридона, Елевферия, Харалампия, Амфиана и Никифора (3 июня 1860), иконы архангелов Михаила и Гавриила, а также Трех святителей. К XIX в. относятся икона святых Константина и Елены (иконописец Негоицэ Зуграв) и 3 рус. иконы — 2 иконы Божией Матери с Младенцем и икона свт. Николая, а также значительное количество икон из 2 иконостасов П.

В музее П. также хранятся предметы литургической утвари кон. XIX — 1-й пол. XX в. и старопечатные книги кон. XVIII–XIX в. Экземпляр «Казаний» митр. Варлаама (Моцока) 1644 г. был куплен и передан в дар музею П. настоятелем П. архим. Луккой (Диакону) в 1993 г. Согласно описям 1924 и 1949 гг., собрание мон-ря было довольно обширным. Многие принадлежавшие ранее мон-рю иконы и литургические предметы хранятся в др. собраниях или запасниках и до сих пор не идентифицированы.

Ист.: *Antonovici I. Venerația Marelui Ștefan pentru moaștele sihastrului Simion preotul, de la Pângărați, după cele aflate într-un manuscris vechi* // Făt-Frumos. Birlad, 1904. N 7/8. P. 124–125 (*idem. Ibid.* // Ștefan cel Mare și Sfânt, 1504–2004: Portret în istorie. Suceava, 2003. P. 168–169); *idem. Un manuscris din mănăstirea Pângărați* // Revista pentru istorie, arheologie și filologie. Bucur., 1909. Vol. 10. N 1. P. 70–76; *Grigore Ureche. Letopisețul Țării Moldovei* / Ed. P. P. Panaitescu. Bucur., 1958; *Iona (Ghedevenișvili), ep. Călătorie în Moldova, 1790–1791* // Călători străini despre Țările Române. Bucur., 2001. Vol. 10. Pt. 2. P. 978–987; *Clit C. Un opis al documentelor mănăstirii Pângărați din 1849* // Istorie și cultură: In honorem acad. A. Eșanu. Chișinău, 2018. P. 306–329.

Лит.: *Balș Gh. Bisericile Moldovenești din veacul al XVI-lea*. Bucur., 1928. P. 180–188, 347;

idem. Bisericile i mănăstirile Moldovenești din veacurile al XVII-le i al XVIII-lea. Bucur., 1933. P. 307, 315, 335; *Nicolescu C. Icoane vechi românești*. Bucur., 1971. Cat. 17; *Stoicescu N. Repertoriul bibliografic al localităților și monumentelor medievale din Moldova*. Bucur., 1974. P. 645–646, 688; *Năsturel P. S. Le Dit du monastère de Pângărați* // Bul. bibliotecii Române. Freiburg i. Br., 1983. Vol. 10(14). P. 387–420; *Cantacuzino Gh. I. Date arheologice și istorice privind mănăstirea Pângărați* // Memoria Antiquitatis. Piatra-Neamț, 1997. N 21. P. 227–250; *Arta din Moldova de la Ștefan cel Mare la Moștile: Cat. exp. de la Muzeul național de artă al României*. Bucur., 1999; *Efremov A. Icoane românești*. Bucur., 2002; *Cazacu M. Minuni, vedenii și vise premonitории, în trecutul românesc*. Bucur., 2003; *Székely M.-M. Cuvântul pentru zidirea sfintei mănăstirii Pângărați și figura ctitorului ideal în Moldova sec. XV–XVI* // Studii și materiale de istorie Medic. Bucur., 2013. Vol. 31. P. 275–299; *Prohin A. Vise și Vedenii profetice în manuscrisele din Țările Române (sec. XV–XVI)* // Studia Universitatis Moldaviae. Ser. Științe umanistice. Chișinău, 2015. N 4(84). P. 18–27; *Vasile (Bîrzu), ierom. Mănăstirea Pângărați: Studiu istoriografic și aghiologic*. Sibiu, 2016; *Sabados M. Icoane și iconostase din Moldova în sec. XVI–XVII* // *Teodorescu R., Porumb M., ed. Arta din România. Din preistorie în contemporaneitate*. Bucur.; Cluj-Napoca, 2018. Vol. 1; *Sinegalia T. Arhitectura Moldovei în sec. XVI–XVII* // *Ibid.*

Э. Драгнев

ПЫПИН Александр Николаевич (23(25).03.1833, Саратов — 26.11.1904, С.-Петербург), историк литературы и общественного движения, славист, этнограф, критик и публицист, академик С.-Петербургской АН, действительный статский советник (с 1 янв. 1902). Дата рождения П. — 23 марта 1833 г. — указана в метрической книге Сергиевской ц. (ГА Саратовской обл. Ф. 13. Оп. 1. Д. 162. Л. 2 об.) и свидетельстве о рождении и крещении (РО ИРЛИ (ПД). Ф. 250. Оп. 2. Д. 1. Л. 1 об.), однако он сам и члены семьи днем его рождения считали 25 марта. Род. в семье мелкопоместного дворянина Николая Дмитриевича Пыпина и его супруги Александры Егоровны (урожд. Голубевой). Дед П., прот. Егор Иванович Голубев, служил в саратовской ц. в честь Спаса Нерукотворного (Сергиевской). После смерти прот. Е. И. Голубева настоятелем храма, а в посл. и благочинным, членом духовного правления стал муж его старшей дочери Евгении — прот. Гавриил Иванович Чернышевский, восприемник при крещении П. (крещен 24 марта 1833 в ц. в честь Спаса Нерукотворного). С сыном прот. Гавриила Чернышевского, известным публицистом Николаем Гавриловичем Чернышевским, П. рос вместе и был очень близок

(после ареста Н. Г. Чернышевского (7 июля 1862) и последующей ссылки в Сибирь П. оказывал ему и его семье материальную помощь, купил дом Чернышевского в Саратове, сохранил его архив, добивался цензурного разрешения на переиздание его сочинений и ходатайствовал об облегчении его участи). Семьи Пыпиных и Чернышевских жили в одной усадьбе (ныне Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского). У П. были единокровные сестра и брат и 7 родных братьев и сестер, «для каждого из детей заказывалась икона хорошего письма — мальчиком в золоченых ризах, девочкам в серебряных...» (*Пыпина*. К биографии А. Н. Пыпина // Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского. ОФ. № 3915. Папка 3. Л. 6). Воспитание в семье было глубоко религиозным, Н. Г. Чернышевский вспоминал, что бабушка, Пелагея Ивановна Голубева, читала внукам Четвы-Минеи, принимала у себя богомолков и иеродивых (*Чернышевский*. 1939. С. 635). Ребенком П. слушал рассказы приходивших к ним в дом странниц, побывавших в Воронеже, Саровской пуст., Киеве и Иерусалиме. Начальным образованием П. занимались мать и дядя, в детстве и юности П. пользовался обширной б-кой дяди, в которой была и духовная лит-ра: «...объяснения на Книгу Бытия Филарета, книги по церковной истории, собрание проповедей, мистические книги» (Мои заметки. 1996. С. 50).

По окончании в 1849 г. Саратовской муж. гимназии П. поступил на историко-филологический факт Казанского ун-та, затем в 1850 г. перевелся в С.-Петербургский ун-т. На 3-м курсе И. И. Срезневский привлек П. к составлению словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Работая над Новгородской I летописью, П. изучал лексические и фразеологические единицы памятника, палеографические особенности древних текстов. Подготовленный им Словарь к Новгородской первой летописи был опубликован в 1854 г. в «Известиях Императорской академии наук по отделению русского языка и словесности».

В 1853 г. П. завершил обучение в ун-те со степенью кандидата по разряду общей словесности. Его 1-й журнальной статьей стало исследование о драматурге XVIII в. В. И. Лукине (опубл.: Отеч. зап. 1853. Отд. 2. № 8. С. 39–90; № 9. С. 1–30), отрывок

из кандидатской диссертации. До 1858 г. П. публиковал в «Отечественных записках» рецензии и статьи по истории лит-ры. В 1854 г. получил стипендию Мин-ва народного просвещения для подготовки к магистерскому экзамену и написанию диссертации. В 1857 г. П. защитил магист. дис. «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских» с утверждением в степени магистра рус. словесности. Работа составила «эпоху в области разработки истории русской повести» (Венгеров. 1898. С. 893), стала первым научным исследованием по истории древнерус. повестей. Материал для диссертации П. собирал в фондах Публичной б-ки (ныне РНБ), в Румянцевском музее (ныне РГБ), в б-ке Московского об-ва истории и древностей российских, бывш. собрания Демидовых.

По представлению Мин-ва народного просвещения с янв. 1858 по янв. 1860 г. П. был отправлен в Европу для подготовки к получению звания профессора по рус. словесности. Во время путешествия он побывал в германских гос-вах, Франции, Великобритании, Швейцарии, Голландии, итальянских гос-вах, Австрийской империи. В 1858–1860 гг. в «Современнике» были опубликованы путевые очерки П.: «Два месяца в Праге», «Из Флоренции», «Из Венеции», «Из Праги». После возвращения, в марте 1860 г., он был назначен исполняющим должность экстраординарного профессора кафедры всеобщей истории лит-ры историко-филологического фак-та С.-Петербургского ун-та и в 1860/61 уч. г. читал лекции по истории провансальской и средневеков. франц. лит-ры. В нояб. 1861 г. он подал в отставку (одновременно с К. Д. Кавелиным, В. Д. Спасовичем, М. М. Стасюлевичем и Б. И. Утиным) вслед введенных после студенческих волнений новых правил (матрикул), ограничивавших права и свободы студентов. К преподавательской работе П. больше не возвращался, до конца жизни занимался исключительно научной и публицистической деятельностью. С нояб. 1861 по авг. 1866 г. состоял в должности члена Археографической комиссии при Департаменте народного просвещения. В апр.—окт. 1862 г. по представлению Министерства народного просвещения совершил 2-ю поездку в Европу с целью изучения

системы народного образования, посетил Австрийскую империю, Францию и германские гос-ва. По возвращении опубликовал работы: «Народное образование во Франции» (1862), «Вопрос о народном образовании в Германии» (1863). В 1863 г. П. вступил в брак с Юлией Петровной Гурскалин (1837–1897), дочерью П. И. Гурскалина, владельца нотного издательства; у них родились 2 сына и 3 дочери.

С 1854 г. П. сотрудничал с «Современником», с 1865 г. был соредактором Н. А. Некрасова. В 1866 г. «Современник» был закрыт, и в 1867 г. П. перешел в «Вестник Европы» (с 1868 член редакции). В «Вестнике Европы» он публиковал научные исследования, в посл. оформленные в монографические труды: «Общественное движение в России при Александре I», «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов», «Белинский. Его жизнь и переписка», «История славянских литератур», «История русской этнографии», «История русской литературы», «М. Е. Салтыков», «Н. А. Некрасов». Из статей, не ставших частью обширных исследований, примечательны «Крылов и Радищев», «Панславизм в прошлом и настоящем», «Литературный панславизм», «Польский вопрос в русской литературе», «Народничество», «Константин Аксаков. 1817–1860», «Русская наука и национальный вопрос в XVIII в.», «Александр Сергеевич Пушкин — 29 января 1837», «Новые объяснения Пушкина», «Обзор русских изучений славянства», «Русское славяноведение в XIX ст.», «Грибоедов. Исторические заметки», «Литературные «воспоминания» и «переписка»», «Значение Гоголя в создании современного международного положения русской литературы».

П. также опубликовал ряд статей о рус. масонстве, положив т. о. начало научному исследованию этой темы в России: «Русское масонство в XVIII в.», «Русское масонство до Новикова», «Материалы для истории масонских лож», «Хронологический указатель русских лож от первого введения масонства до запрещения его. 1717–1829» (отд. изд.: *Пыпин А. Н.* Русское масонство: XVIII и 1-я четв. XIX в. Пг., 1916).

В 60-х — нач. 70-х гг. XIX в. П. занимался переводом исторических сочинений И. Шерра, Г. Гетнера,

Дж. У. Дрейпера, Дж. Милля, А. Л. фон Рохау, У. Уэллса, Ф. К. Шлосера и др.

В 1871 г. П. был избран академиком по отд-нию рус. истории С.-Петербургской АН. Этому избранию препятствовал министр народного просвещения гр. Д. А. Толстой, подготовивший доклад, в к-ром подчеркивались антиправительственные симпатии П. и его тесные отношения с Чернышевским, схожий доклад поступил и от III отделения. В итоге имп. Александр II не утвердил П. в звании академика, что было воспринято общественностью как посягательство на академические права и вызвало протест российской профессуры. Развернувшаяся общественно-политическая полемика заставила П. отказаться от этого звания. Только в 1891 г. он стал членом-корреспондентом отд-ния рус. языка и словесности С.-Петербургской АН, а с 10 янв. 1898 г. — ординарным академиком. В отд-нии рус. языка и словесности с 1899 г. П. редактировал «Известия отделения русского языка и словесности», работал над изданием сочинений имп. Екатерины II (Сочинения имп. Екатерины II: На основании подлинных рукописей и с объяснит. примеч. акад. А. Н. Пыпина: В 12 т. СПб., 1901–1907), возглавил организационный комитет по проведению С.-Петербургского съезда русских филологов и историков-славистов (1903) и был председателем Комиссии по организации международного съезда славистов (назначен на 1904, но не состоялся). С 24 июля по 1 сент. 1904 г. исполнял обязанности вице-президента АН.

П. не прерывал связей с родным городом, много делал для его культурного и научного развития: поддерживал идею создания 1-го общедоступного художественного музея им. А. Н. Радищева в Саратове (открыт 29 июня 1885), в к-рый передал ряд ценных экспонатов, регулярно снабжал изданиями Саратовскую публичную б-ку. В 1887 г. П. был избран членом Саратовской УАК, а 16 дек. 1899 г. ему присвоено звание почетного гражданина г. Саратова.

П. был членом многих российских и европейских научных и литературных об-в и орг-ций, в т. ч. имп. Русского археологического об-ва в С.-Петербурге (1857) и Москве (1867), Сербского ученого об-ва (1869), имп. Русского географического об-ва (1879), Об-ва любителей

лей российской словесности при Московском ун-те (1880), Болгарского ученого об-ва (1884), Об-ва истории и древности российских при Московском ун-те (1885), чл.-кор. Сербской академии (1895), Об-ва любителей древней письменности (1896), иностранным членом Чешской академии имп. Франца Иосифа для наук словесности и искусства (1902) и др. Он — лауреат Демидовской премии 1858 г. за «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских», Уваровской премии 1866 г. за «Обзор истории славянских литератур» и 1891 г. за «Историю русской этнографии», обладатель большой золотой медали имп. Русского географического об-ва 1891 г. за «Историю русской этнографии». Также в 1899 г. был награжден серебряной медалью за участие в работе комиссии при АН над программой к 100-летию со дня рождения А. С. Пушкина.

Похоронен на кладбище *санкт-петербургского Новодевичьего в честь Воскресения Христова женского монастыря*.

П. — автор ок. 1500 печатных работ по истории русской и зарубежной лит-ры, славистике, этнографии, фольклору, археологии; глава культурно-исторического направления в академическом литературоведении, в основе к-рого лежала идея изучения лит-ры как части культуры народа, выражения его национальной жизни в контексте общественно-исторических событий. На протяжении 50-летней научной деятельности П. неоднократно обращался к изучению лит. памятников русской старины, в т. ч. религиозных. В «Очерке литературной истории старинных повестей и сказок русских» П. рассмотрел рукописные сказания, повести, сказки, романы XVII–XVIII вв., пришедшие на Русь из Византии, Германии, Польши. Он доказал, что их в России не столько переводили, сколько переделывали: частные национальные черты подлинника заменялись другими, взятыми из рус. быта (Очерк лит. истории. 1857. С. 4). В этой связи П. рассматривал сказки и повести не только как лит. памятники, но как значимый источник по истории народной культуры. Так, признавая христианство важной нравственной и политической силой Руси, П. говорил о влиянии религии на светскую переводную лит-ру. Напр., в рус. ре-

дакции «Александрии», отмечал он, Александр Македонский «принадлежит к жизни и понятиям христианским... вооружается против народов языческих, действует по высшим определениям, отличается уважением к святине и смирению, признает суестьность своей славы» (Там же. С. 47). Среди памятников старины нравственно-религ. содержания П. рассматривает апокрифические сочинения «О Соломоне царе и Китоврасе», историю «Варлаама и Иоасафата», Палею, а также сборники повестей «Зерцала», рус. переводы Хронографы XVII в.

П. принадлежит открытие в 1856 г. повести «О Горе-злосчастии», которую Ф. И. Буслаев ставил в один ряд с наставительными религиозно-нравственными произведениями русского средневековья (*Буслаев*. 1861. С. 614).

В кон. 50-х — нач. 60-х гг. XIX в. выходят первые исследования П. об апокрифах. В сб. «Памятники старинной русской литературы» (1862. Вып. 3) появляются «Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А. Н. Пыпиным». Ученый опубликовал 32 памятника (Сказания об Адаме, Сказания о попе, о Мельхиседеке, Повести и басни о царе Соломоне, О рождестве Иисуса Христа, Хождение Богородицы по мукам, Сон Богородицы и др.), многие представлены в различных списках и редакциях (от 2 до 11). Корпус памятников, по словам П., составили «апокрифы, или, как называли их в старину, «ложные», «отреченные», «тайные», «сокровенные» книги» (Ложные и отреченные книги. 1862. С. 1). Рассматривая эти названия как синонимичные, в пояснительной статье П. все же выделяет собственно апокрифы, т. е. «недостовверные и не принятые древней Церковью сказания из ветхозаветной и новозаветной истории» (Ложные и отреченные книги рус. старины: Объяснения. 1862. № 1. С. 80), и книги «ложные», не упомянутые в древних индексах, — к ним П. относит «весь тот цикл литературы, в который, кроме позднейших народно-поэтических сказаний и суеверных мифов религиозного характера, входило и много произведений... не относящихся к церковной истории и вообще к духовным предметам»: книги волшебные, гадания, предвещения, поверья, суеверия и т. п. (Там же. С. 82).

Для П. ложные книги представляют собой прежде всего культурно-историческое явление, свидетельствующее о той ступени развития, на к-рой находился народ в Др. Руси. «В историческом смысле, — отмечал он, — апокрифы делаются верным указателем известной степени религиозного развития, именно той, на которой обыкновенно остается масса, на которой простодушие и легко-увлекающееся воображение играют больше роли, чем отвлеченное и строгое понимание веры» (Там же. С. 111). Отмечая мифологическую природу ложной и отреченной лит-ры, ученый категорически исключал влияние на ее возникновение языческих представлений народа, считая, что «пространство времени, к которому относится появление и господство ложных книг, составляет особенный период в истории народного сознания, и этого периода невозможно смешивать с двоеверием первых веков русского христианства» (Там же. С. 113). П. установил, что первые апокрифы рус. лит-ры почти современны ее древнейшим памятникам: Палея была знакома прп. Нестору Киево-Печерскому (Там же. С. 96). Списки апокрифов П. датирует XI–XIX вв., при этом считая, что большая часть этих памятников гораздо древнее. Он полагал, что основными источниками рус. апокрифов были Византия, а также Сербия и Болгария; влияние западноевроп. стран появляется к кон. XVII в. Переломным в распространении апокрифов П. считал XVII в. По его мнению, после церковного раскола ложные книги перешли к старообрядцам и остались исключительно их достоянием, а к XIX в. были почти забыты.

П. неоднократно обращался к теме церковного раскола, изучал лит-ру старообрядчества. Он отмечал необходимость реформы патриарха Никона, в основу к-рой изначально был положен вопрос исправления церковных книг. Раскол интересовал ученого не только в контексте истории России, но и как «ныне живущий факт, непосредственное, ревниво охраняемое продолжение исторической старины» (Сводный старообрядческий синодик. 1883. С. 2). Раскольническая тема, по его мнению, требовала подробного изучения в историческом и этнографическом аспектах ввиду большой численности старообрядцев, сохранявших свои традиции и предания.

Выдающимся трудом П. стала «История русской литературы» (в 4 т.), в к-рой он рассматривал развитие отечественной лит-ры с древних времен до 40-х гг. XIX в., сопровождая изложение обширными библиографическими примечаниями. В работе подробно изложены взгляды ученого на роль христианства в культуре Др. Руси. Он полагал, что принятие христианства стало решающим внутри- и внешнеполитическим событием в жизни Русского гос-ва, совершившим «величайший переворот» в культурном развитии народа. Христианизация Руси способствовала политическому объединению гос-ва, явилась «первым цельным кодексом космогонии и нравственности» для народа (История рус. лит-ры. 1898. С. 67), дала новую историю миротворения и 1-ю историю человечества, послужила началом просвещения и распространения письменности. Выступая с позиций либерального просветительства, П. был убежден, что, приняв христианство, Др. Русь раз и навсегда порвала с враждебным азиатским миром, объединилась с европ. народами, совершила движение навстречу европ. цивилизации. В этой связи последующая вражда и разрыв Восточной и Западной Церквей, по мнению ученого, «сделали невозможным влияние западной образованности в Древней Руси» (Там же. С. 70), что в свою очередь задержало развитие страны на неск. веков.

П. одним из первых ввел в научный обиход термин «официальная народность», в к-ром объединил уваровскую триаду «Православие, самодержавие, народность». В работах П. нашло выражение осмысление им славянофильства как общественно-философского явления эпохи. Подвергая критике отдельные теоретические и идейно-политические положения программы славянофилов, в т. ч. чрезвычайно идеализированное представление о народе, ученый вместе с тем отмечал исторические заслуги прежде всего ранних славянофилов в развитии российского общества. Он разграничивал понятия «официальная народность» и «славянофильство».

В восприятии мн. современников П. предстал теоретиком прогресса, европейцем, далеким от рус. жизни. Тем не менее П. был человеком с глубоко заложенным национальным чувством, вся его научная деятель-

ность была направлена на осмысление исторического прошлого и настоящего России. По словам А. А. Шахматова, он поражал современников удивительной начитанностью и энциклопедичностью знаний, «любил многострадальное и величественное прошлое русского народа: здесь так ярко для его научного творчества выступали беззаветные жертвы, принесенные общему делу, и громадные усилия, создавшие русскую культуру и просвещение» (Шахматов. Об А. Н. Пыпина // Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского. ОФ. № 3911. Папка 8. Л. 1, 3).

Арх.: РНБ. Ф. 621; РГАЛИ. Ф. 395; ИРЛИ. Ф. 250; Архив РАН (СПб.). Ф. 111; ГА Костромской обл.; Пыпина В. А. К биографии А. Н. Пыпина // Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского. ОФ. № 3915. Папка 3; Шахматов А. А. Об А. Н. Пыпине // Там же. ОФ. № 3911. Папка 8. Л. 1–3.

Соч.: Словарь к Новгородской I летописи // ИОРЯС. 1854. Т. 3. Приб. Стб. 33–126; Очерк лит. истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857; Ложные и отреченные книги рус. старины: Объяснения к «Памятникам древней рус. лит-ры» // Рус. слово. 1862. № 1. Отд. 2. Рус. лит-ра. С. 75–114; № 2. С. 42–88; Ложные и отреченные книги рус. старины, собр. А. Н. Пыпиным. СПб., 1862. (Кушелев-Безбродко. Памятники; Вып. 3); Старообрядческий синодик. СПб., 1880. (СБОРЯС; Т. 21. № 1); Старообрядческий синодик // ЗИАН. 1880. Т. 36. Кн. 2. С. 345–361; Сводный старообрядческий синодик: 2-е изд. синодика по 4-м ркп. XVIII–XIX вв. СПб., 1883. (ПДПИ; 44); История рус. лит-ры: В 4 т. СПб., 1898. Т. 1; Русское масонство: XVIII и 1-я четв. XIX в. / Ред. и прим.: Г. В. Вернадский. Пг., 1916; Мои заметки. Саратов, 1996.

Лит.: Буслаев Ф. И. Ист. очерки рус. народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1; Венгеров С. А. Пыпин А. Н. // ЭС. 1898. Т. 50. С. 892–894; Барсков Я. Л. Список трудов акад. А. Н. Пыпина: 1853–1903. СПб., 1903; 50-летие науч.-лит. деятельности акад. А. Н. Пыпина // Лит. вестн. СПб., 1903. № 3. С. 337–340; Архангельский А. С. Труды акад. А. Н. Пыпина в области истории рус. лит-ры // ЖМНП. 1904. Ч. 351. № 2. Отд. 4. С. 73–125; Глинский Б. Б. А. Н. Пыпин: (Мат-лы для биографии и характеристики) // ИВ. 1905. Т. 99. № 1. С. 263–307; Ликсанов Н. К. Памяти А. Н. Пыпина // ИОРЯС. 1910. Т. 15. Кн. 3. С. 220–228; Чернышевский Н. Г. Автобиография // Он же. ПСС: В 15 т. М., 1939. Т. 1. С. 632–634; Гришунин А. Л. Культурно-ист. школа // Акад. школы в рус. литературоведении. М., 1975. С. 100–201; Озерянский А. С. А. Н. Пыпин о славянофилах: (К постановке проблемы) // Историография и источниковедение стран Центр. и Юго-Вост. Европы. М., 1986. С. 72–80; он же. Завещание А. Н. Пыпина // Четыре века: Сб. ст. Саратов, 1991. С. 121–128; он же. А. Н. Пыпин и Радищевский музей в Саратове // Худож. коллекции музеев и традиции собирательства. Саратов, 1999. С. 159–162; он же. «Диспут был вчера, в воскресенье...»: (Защита А. Н. Пыпиным магист. дис. 24 марта 1857 г.) // Пропагандист великого наследия: Сб. науч. тр. и мат-лов. Саратов, 2011. Вып. 4. С. 84–89; он же. К вопросу взаимоотношений Н. Г. Чернышевско-

го и А. Н. Пыпина (по мат-лам переписки 1840 – нач. 1860-х гг.) // Там же. С. 124–136; Балыкин Д. А. А. Н. Пыпин как исследователь течений рус. обществ. мысли. Брянск, 1996; А. Н. Пыпин и проблемы славяноведения. М.; Ставрополь, 2005; Аксенова Е. П. А. Н. Пыпин о славянстве. М., 2006; А. Н. Пыпин: Мат-лы к биографии / Сост.: А. С. Озерянский, Е. В. Степанова. Саратов, 2017; Степанова Е. В. Историк книжных древностей: Начало науч. деятельности А. Н. Пыпина // Светская и духовная словесность в России XVIII–XIX вв. / Ред.: М. И. Щербакова. М., 2018. С. 28–42.

Е. В. Степанова

ПЫ́РВУ Муту, прп. (пам. румын. 7 авг.), иконописец — см. *Пафнутий (Пырвеску)*.

ПЬЮ́ЗИ [англ. Pusey] Эдуард Бувери (22.08.1800, Пьюзи, Беркшир — 16.09.1882, Оксфорд), англ. богослов и ученый, один из лидеров *Оксфордского движения* — группы англикан. богословов-консерваторов, стремившихся к обновлению богословской и литургической жизни Церкви Англии через возвращение к «корням» англикан. религ. традиции. П. учился в частной школе англикан. свящ. Р. Робертса, затем поступил в колледж Итон. В 1819–1822 гг. учился в Крайст-Черч-колледже Оксфордского ун-та, к-рый закончил первым по успеваемости. В 1823 г. П. выиграл конкурс на получение преподавательской должности в Ориел-колледже Оксфордского ун-та, где познакомился с Дж. Г. Ньюменом и Дж. Киблом — буд. инициаторами Оксфордского движения. В 1825–1827 гг. в ун-тах Гёттингена и Берлина П. изучал евр., араб., сир. языки. В Германии он заинтересовался идеями нем. *пиеетизма*, стремившегося обновить жизнь лютеран. церкви, и осмыслил это явление в кн. «Историческое исследование возможных причин преобладания рационализма в германской теологии» (An Historical Enquiry into the Probable Causes of the Rationalist Character Lately Predominant in the Theology of Germany. L., 1828). Эта работа привлекла внимание, и в 1828 г. Артур Уэллсли, герцог Веллингтон, назначил П. профессором евр. языка Ориел-колледжа, а П. был рукоположен в сан диакона. В том же году он женился на Марии Кэтрин Баркер (супруга П. скоропостижно скончалась после 11 лет совместной жизни, в браке родилось 4 детей, трое из них скончались при жизни отца; после смерти супруги П. не вступил в новый брак и жил в оди-

